





ЛИЗЗИ ДАМИЛУЛА  
БЛЭКБЕРН

# Когда замуж, Инка?



INSPIRIA

Москва  
2023

УДК 821.111-31  
ББК 84(4Вел)-44  
Б70

Lizzie Damilola Blackburn  
YINKA, WHERE IS YOUR HUSBAND?

Copyright © 2022 by Lizzie Damilola Blackburn Ltd.

Published by arrangement with Rachel Mills Literary Ltd

Cover design © Penguin Random House UK

Перевод с английского *Аркадия Кабалкина*

**Блэкберн, Лиззи Дамилула.**

Б70      Когда замуж, Инка? / Лиззи Дамилула Блэкберн ;  
[перевод с английского А. Кабалкина]. — Москва :  
Эксмо, 2023. — 416 с.

ISBN 978-5-04-162398-2

Инке чуть за тридцать. У нее хорошая работа, оксфордское образование, жилье в Лондоне, большая семья и отличные друзья. Но почти ежедневно она слышит от родственников вопрос: «Когда уже замуж, Инка?»

Тетушки Инки часто молятся о ее избавлении от одиночества, коллеги думают, что она слишком консервативна, а подружки говорят, что ей пора уже забыть своего бывшего. Несмотря на бесчисленные советы, Инка верит, что настоящая любовь найдет ее, когда придет время.

Но в один день все меняется: ее двоюродная сестра Рейчел сообщает о помолвке, и Инка решает во что бы то ни стало найти себе парня до, свадьбы. Заголовок гугл-таблицы гласит: «Операция “Кавалер для свадьбы”». Время пошло!

УДК 821.111-31  
ББК 84(4Вел)-44

© Кабалкин А., перевод на русский язык,  
2023

© Издание на русском языке, оформление.  
Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-162398-2

## Словарь нигерийского произношения

**Муж** (произносится «хуз-банд»), имя существительное

1. Партнер по браку мужского пола

*Прим.: Кеми, младшая сестра Инки, замужем за Уче*

2. Несуществующий мужчина в несуществующем браке, о чьем местонахождении часто спрашивают одиноких британок нигерийского происхождения нигерийские мамы и тетушки.

*Прим.: «Ну что, Инка, где твой хуз-банд? Ах-ах, тебе уже тридцать один год!»*



**ЯНВАРЬ**





# Молитва века

## Суббота

Вечеринка в честь моей сестрицы, без пяти минут матери, продолжается уже два часа, но никто пока еще не ляпнул: «Ну что, Инка, когда наступит твоя очередь?» Классического «Инка, где твой хуз-банд?» — и то не слышать.

И слава богу!

Наделав в сумасшедшем ритме снимков Кеми и раз сто спросив ее, когда роды, я засовываю телефон в задний карман. Очень надеюсь, что не навлекла на себя невзначай сглаза — слишком рано принялась веселиться...

Сутулясь на стуле, я тарашусь на Кеми и на ее подружек, пляшущих посередине гостиной: все стараются вовсю, лица пресерьезные, как на соревновании по африканским танцам.

Я перевожу взгляд на сидящих незнакомок: одна рыжеволосая, у другой пирсинг в брови; это, похоже, подружки Кеми с работы. С ними рядышком сидят мои четыре тетки. Они, как и я, с трудом доедают угощение — рис «джолоф». На наш вкус он пресноват. Знаю, не все любят острое, но тот, кто готовил этот рис, не в курсе, что предпочитаем мы, нигерийцы. Я сдаюсь и прячу недоеденную тарелку под стул. Подняв глаза, я вижу свою

матушку: она пробирается сквозь толпу танцующих, искусно тряся широкими бедрами. Приплясывая, она тычет пальцами в телефон Кеми, но все без толку: моя мама все еще верна «Нокии 3.4», поэтому к айфону ей лучше не прикасаться.

— Всем привет! — кричит она с отчетливым нигерийским акцентом. Она сохранила этот акцент, хотя перебралась в Британию давным-давно, еще в восьмидесятых. — Прошу внимания!

Но из-за музыки ее не слышно. Кеми и ее подружки знают себе пляшут под песенку. Правда, моя младшая сестра не попадает в такт. Как я погляжу, она забыла о своем огромном животе, вон как сгибает колени и выгибает спину! Что я вижу? Она тверкает!

Я усмехаюсь. Мне очень стыдно, что в последнее время я редко вижу с Кеми. До ее замужества мы только и делали, что ходили друг к другу в гости. Но год назад все изменилось.

— Внимание все! Прошу меня извинить! — Голос мощностью в двадцать тысяч децибел перекрывает музыку. — Всем успокоиться! Слово предоставляется маме Инки.

Это объявление моей тетушки (папиной сестры) по прозвищу Биг Мама достигает цели. В считанные секунды болтовня стихает, телефоны опускаются, танцоры разбегаются по углам, как шары на бильярдном столе. Кеми, поддерживая одной рукой живот, вперевалку подбирается к аудиосистеме и вырубает музыку.

— Спасибо! — Моя мать благодарно складывает ладони. — Спасибо всем, что пришли отпраздновать переход моей дочери к материнству. — Она поворачивается к Кеми и гордо ей улыбается. — Сами знаете, материнство — оооочень важная глава в жизни женщины. По-

## КОГДА ЗАМУЖ, ИНКА?

этому я предлагаю помолиться за Кеми, за ее хуз-банда и за их младенца. Все встаем и дружно беремся за руки!

Шарканье, возня: сидящие встают и образуют круг со стоящими танцорами.

— Да не нервничайте вы так! — подбадривает наша с Кеми мама густо покрасневших подружек Кеми с работы. — Не верите в Бога — хотя бы просто опустите голову в знак уважения.

Я перехватываю взгляд рыжей подружки. Издали чувствуется, до чего ей не по себе.

Справа и слева от меня стоят одноклассницы Кеми, мы с ними беремся за руки, я опускаю голову.

Мама откашливается.

— Боже всемогущий...

Мне кажется, что проходит минут десять, прежде чем следует продолжение:

— Благодарю Тебя, Господи, что внял мольбе моего сердца стать бабушкой, ийя-ийя. Молюсь, и да пребудут Твоя любовь, мир и наставление с моей дочерью в родильной палате. Во имя Иисуса, пусть все с ней будет хорошо. Пусть именем Иисуса родится здоровенький малыш!

— Аминь! — хором тянем все мы — угрюмые зомби, да и только.

— Благодарение Господу за встречу Кеми и моего зятя Уче в университете. Молюсь, чтобы... — После паузы мама заканчивает дрожащим голосом: — Молюсь, чтобы Уче стал, подобно моему покойному мужу Кунле, прекрасным отцом. Долгих ему лет и отменного здоровья!

— Аминь! — почти выкрикиваю я.

Мама продолжает молиться о защите, безопасности, надежности. «Да затупится любое направленное против Кеми оружие!» У меня уже ноют ноги, подгибаются ко-

лени. Наконец мама произносит слова, которых все жаждали:

— Внемли нашим молитвам, Господи! Мы возносим их святым бесценным именем Иисуса.

Заключительное «аминь!» звучит с облегчением.

Я открываю глаза и вижу, как женщины одна за другой оседают на свои стулья со вздохом избавления. Исключение — Биг Мама: эта плюхается на свое место раньше всех, скидывает туфли и блаженно вытягивает ноги. Ногти у нее на ногах — что окупанные в красную краску шкварки из свиной шкуры... Как тут не заулыбаться? Может, Биг Мама и не самая чинная из всех моих трехсот с лишним тетюшек — в нашей нигерийской культуре принято, чтобы любая африканка старше тебя на десять и более лет считалась твоей тетюшкой, независимо от того, есть ли между вами кровное родство, — но уж очень я ее люблю!

— погоди, Толу! — кричит она моей матери, чуть не падает со стула. — Ты не помолилась за старшую дочь!

Мама, уже два часа кряду не убирающая почему-то руку от своих густых накладных прядей (не хватало, чтобы в них завелись вши!), поворачивается ко мне с выпученными глазами.

— Как же меня угородило! — Одной рукой матушка одергивает платье, другой чешет голову. — Как я могла забыть про Инку? Про нашего инвестиционного банкира?

Все головы как по команде поворачиваются ко мне. Как я ни стараюсь не смотреть в глаза своим тетюшкам, от их поощрительных улыбок некуда деваться. Я давно устала твердить маме, что работаю просто операционным менеджером в инвестиционном банке: она все равно переключивает мою должность по-своему. Не знаю, почему так: то ли от желания мной гордиться, то ли так ей проще. Откровенно говоря, почти каждый истолковывает то нехи-

трое обстоятельство, что я работаю в Godfrey & Jackson, так же, как она. Никому не приходит в голову вспомнить о существовании большого коллектива, кучи невоспелых героинь, корпящих вдали от чужих глаз ради успеха банковского промысла. (Конечно, «операционный менеджер» звучит не очень эффектно, зато это надежное место, и я очень горда собой!) Так или иначе, моя мать давно заладила свое «инвестиционный банкир»; работу Кеми («преподаватель драматического мастерства») она упоминает несравненно реже; ясное дело, куда чаще она хвастает, что Кеми замужем и скоро родит.

— О да, Создатель наградил меня двумя дочерьями, и я должна помолиться за обеих. — Мама хлопает в ладоши. — Ойя! Всем встать. Помолимся за Инку.

Наполнивший комнату стон не сказать что громкий, но я от него все равно глохну.

— Что еще за ррр-ропот? — Можно не уточнять, что это за меня вступилась Биг Мама. Впрочем, пока все поднимаются, пусть нехотя, она продолжает восседать, как на троне. — Если бы мать Инки посулила вам за вставание по двадцать фунтов стерлингов, то, держу пари, вы бы не вздумали стонать! Это еще что такое! Чего рассла-лась, милочка? Забыла, какое славное дело — молитва?

Женщина с сережкой в брови срывает со спинки стула свой жакет и выбегает вон. «С ума посходили!» — долетает до меня из двери ее голос.

Рыжая подруга Кеми тоже, похоже, не прочь сбежать, но ей не хватает смелости. Я награждаю ее скорбной улыбкой.

— Как я погляжу, здесь молятся?

Знакомый голос заставляет меня вскинуть бровь. Я оглядываюсь, сердце бьется с утроенной скоростью. В двери высится тетя Дебби собственной персоной.

— Функе, что у тебя с пунктуальностью? — Одна моя мамаша продолжает называть свою младшую сестру ее африканским именем. — Разве в приглашении, которое я тебе вручила, не написано черным по белому «два часа дня»? По тебе можно сверять *африканские часы!*

Тетя Дебби с досадой фыркает и снимает с толстого носа огромные темные очки *Chanel*.

— Между прочим, Толу, я живу неблизко, в Хэмпстеде.

Вся комната хихикает, я борюсь с побуждением закапывать глаза. Да, тетушка, всем известно, что вы с мужем заработали уйму денег, умело вкладывая деньги, необязательно все время об этом напоминать.

— Поездка заняла более часа, — сообщает она, тщательно изображая «британский» акцент. Он у нее как пальто: хочет — наденет, хочет — снимет. — Да, чуть не забыла... — Она складывает очки и вешает их в вырезе шелковой белой блузки. — Моему «Порше» здесь ничего не угрожает?

У мамы отваливается челюсть, Биг Мама скалит белоснежные зубы.

— Не тревожься, Дебби, Пекхэм нынче уже не тот, что прежде, — говорит высоким фальцетом тетя Блессинг, старшая из трех сестер. В отличие от мамы и от тети Дебби, у тети Блессинг выговор дикторши Би-би-си, приобретенный за тридцать с лишним лет работы барристером. — Это место существенно облагородилось.

— Облаго... что?.. — недоуменно бормочет моя матушка.

Кеми вмешивается, чтобы не позволить им вступить в спор:

— Кажется, мама, ты хотела помолиться за Инку? — Она складывает руки на огромном животе и кивает тете Дебби. — Не беспокойся, тетушка, никто твою машину

## КОГДА ЗАМУЖ, ИНКА?

не тронет. Мы с Уче живем здесь уже почти год, и на наш «Форд Фиесту» ни разу никто не покусился.

— Кто позарится на такое... ладно, неважно. Я хочу помолиться, Тулу. — От этих слов тети Дебби у меня сводит живот. — Нам всем полезно сменить тон. И потом, я опоздала. — Она ерошит себе парик. — Помолиться за племянницу — наименьшее, что я могу сделать.

Она адресует мне широкую улыбку, я в ответ улыбаюсь одними уголками рта.

«Не воображай, что я забыла, что ты натворила на свадьбе у Кеми...» — думаю я, глядя, как она молитвенно жмурит глаза.

— Боже милостивый, благодарим Тебя за старшую дочь Тулы, Инку Беатрис Оладежи.

Женщина справа выдергивает свою руку из моей.

— Простите... — шепчу я, решив, что сделала ей больно.

— Благодарим Тебя за замечательную работу, которой Ты наделил Инку, за дом, купленный ею несколько лет назад. Она — пример для подражания, она многого достигла.

Я расправляю сторбленные плечи. Что ж, пока что неплохо!

— Великий Боже, — продолжает она, — начинается новый год...

— Новый год, — повторяет за ней мама.

— В Библии сказано, что для Тебя нет ничего невозможного...

— О да, великий Боже! — подхватывает мама.

— Памятуя об этом, молю Тебя, Господи, чтобы в этом году Инка нашла себе мужа.

С какой ста...?

Я таращусь на тетю Дебби, сделавшую короткую паузу, чтобы все произнесли «аминь». Моя мать и Биг Мама